

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК И ХАОС В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Горовой А.В.,

студент 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент

Ключевые слова. Андрей Белый, *cardo et decumanus*, литература модернизма, городское пространство, Петербург.

Keywords. Andrei Bely, *cardo and decumanus*, modernist literature, urban space, Petersburg.

Пространственная организация модернистского текста всё чаще становится предметом междисциплинарного анализа, объединяющего литературоведение, философию и урбанистику. Роман Андрея Белого «Петербург» представляет собой сложную пространственную структуру, в которой сталкиваются сакрализованная геометрия центра, восходящая к античным градостроительным моделям, и хаотическая, мифологизированная периферия. В этом контексте особенно значимо, что русская литература первой половины XX века была тесно связана с судьбоносными событиями [1 с. 69] и потому формировала не только эстетические, но и пространственно-политические модели, в которых город становился ареной борьбы за символическое и идеологическое господство.

Цель – интерпретация пространственной организации романа Андрея Белого «Петербург» через призму римской градостроительной модели *cardo et decumanus*.

Материал и методы. Основным материалом для исследования послужил текст романа Андрея Белого «Петербург», а также работы по истории античной градостроительной мысли и постколониальной теории. Метод компаративного анализа применён для интерпретации городского пространства через модель *cardo et decumanus*.

Результаты и их обсуждение. Римский градостроительный принцип *cardo et decumanus*, восходящий к миропониманию этрусских гаруспиков и системе межевания квесторских полей, представляет собой одну из древнейших моделей гармонической организации пространства, противопоставленного хаосу. В основе этой модели лежит пересечение двух перпендикулярных осей – *cardo*, идущей с севера на юг, и *decumanus*, направленной с востока на запад, – которое не только делило территорию на симметричные участки, но и задавало сакральную топографию, подчиняющую себе природный ландшафт [2 с. 5–6]. Проецируя небесный храм на земную поверхность, римляне отождествляли акт межевания с сакральной реконструкцией космоса, где каждая линия становилась не столько геометрическим ориентиром, сколько выражением божественного порядка. Постепенное освобождение данной практики от архаических ритуалов утвердило рациональную модель координатной сетки, в которой лимит – прямая линия, точно ориентированная по сторонам света, – являлась символом власти, границы и собственности [3, с. 3–5]. Антитезой космически выверенного порядка, заданного сакральными осями, выступал хаос, то есть всё, что находилось вне их пределов и не подчинялось геометрии центра. Пространство за границей этих осей воспринималось как неустроенное, чуждое, потенциально враждебное – область мифологического беспорядка, требующего либо изгнания, либо преобразования. Именно в этом контексте следует рассматривать пространственную организацию Петербурга в романе Андрея Белого, где город предстаёт перед читателем как сакрализованная структура, выстроенная по принципу пересечения осей, аналогичных *cardo* и *decumanus*.

Невский проспект в романе предстает не просто как городская артерия, но как потенциальный *Decumanus*, воплощающий идею порядка, линейности и «цивилизованной геометрии». Он становится символом центра, от которого начинается пространственная и метафизическая организация Петербурга. Неслучайно Белый многократно акцентирует внимание на его прямолинейной природе: «*Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он – европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что... да... Потому*

что Невский Проспект – прямолинейный проспект.» [4 с. 3]; «Более всего он любил прямолинейный проспект; этот проспект напоминал ему о течении времени между двух жизненных точек; и еще об одном: иные все города представляют собой деревянную кучу домишек, и разительно от них всех отличается Петербург.» [4 с. 10–11]. Так у Белого Невский проспект становится аналогом *descriptus taxitus* – оси, от которой начинается пространственное упорядочивание, циркуляция, нумерация, текстуальная и административная власть. Всё, что оказывается вне этой оси, вне геометрии центра, воспринимается как неустроенное, зыбкое, подверженное распаду – как мифологический хаос, угрожающий структуре города и смыслу. В иных фрагментах Белый радикализирует оппозицию между сакральной геометрией центра и мифологическим хаосом периферии, доводя её до предела политико-метафизического воображения. Пространство города становится ареной борьбы между упорядоченным космосом и угрожающим распадом, исходящим с окраин – прежде всего, с островов, символизирующих внегородское: «Он считает себя петербуржцем, но он, обитатель хаоса, угрожает столице Империи в набегающем облаке... Аполлон Аполлонович не хотел думать далее: непокойные острова – раздавить, раздавить! Приковать их к земле железом огромного моста и проткнуть во всех направлениях проспектными стрелами...» [4 с. 11]. Для понимания образа Аполлона Аполлоновича принципиально важно осознавать природу его реакции: он воплощает не просто чиновника, а фигуру власти, стремящейся к тотальному преобразованию пространства в соответствии с идеологией центра. Его навязчивая мечта «проткнуть» острова прямыми проспектами – это не рациональный градостроительный замысел, а имперский акт, насильственно навязывающий периферии дисциплинарную геометрию центра. В свете постколониального урбанизма такая геометрия утрачивает нейтральный характер и превращается в репрессивный инструмент, направленный на устранение инаковости [5 с. 7–9]. Насильственный характер этого импульса проявляется в стремлении не просто упорядочить хаос, но уничтожить его как символическую угрозу сакральному порядку. Фантазия Аполлона Аполлоновича о всеобъемлющей геометризации мира выражает предельную форму эпистемического насилия, через которое Белый вскрывает логику имперской планировки: «Ему захотелось, чтоб проспекты летели навстречу – за проспектом проспект, чтобы вся сферическая поверхность планеты оказалась охваченной, как змеиными кольцами, черновато-серыми домовыми кубами... чтобы вся, проспектами притиснутая земля, в линейном космическом беге пересекла бы необъятность прямолинейным законом... После линии всех симметричностей успокаивала его фигура – квадрат.» [4 с. 11].

Не случайно носителем рационалистического мировоззрения в романе становится именно Аполлон Аполлонович. Уже само имя персонажа – удвоенное, подчеркнуто риторическое – указывает на его символическую природу, отсылая к аполлоническому началу в философии Ницше, который определял аполлоническое начало как принцип формы, порядка, ясности и индивидуализации, противопоставленный дионисийскому хаосу, инстинкту и экстазу [6 с. 1]. Аполлон Аполлонович воплощает именно эту форму – он живет в мире иллюзий, ритуалов и административной симметрии, где структура важнее содержания. Белый, будучи ницшеанцем, не просто вводит аполлонический образ, но и критикует его: в романе аполлоническое оказывается неспособным к трансгрессии, к подлинному искусству, к переживанию трагедии. Дионисийское начало, представленное хаосом Петербурга, революцией, бессознательным, разрушает аполлоническую стабильность, выявляя ее иллюзорность. Николай Аполлонович, при этом, – явная философская и эстетическая оппозиция своему отцу. Дионисийское состояние связано с экстазом, распадом границ субъекта, телесной и эмоциональной расплывённостью, с тем, что Ницше называет «примордиальным единством» [6 с. 3]. Именно это и происходит с Николаем Аполлоновичем: он описывает себя как «ходячую бомбу» [4 с. 204], ощущает себя вне тела, вывернутым наизнанку, распухшим, терзаемым, раздробленным на части. Речь Николая Аполлоновича, особенно в шестой главе, представляет собой не дискурсивное высказывание, а распад логоса в дерридианском смысле. Она не структурирована, не направлена на передачу фиксированного смысла, а размыта, фрагментарна, насыщена телесными импульсами и ощущениями, которые не поддаются рациональной артикуляции [7 с. 3–4]. Мы видим, как герой постепенно теряет контроль над собой, над словами,

над границами между собой и миром. Особую значимость в интерпретации образа Николая Аполлоновича приобретает его увлечение Кантом, он буквально вырос в дискурсивном пространстве сего немецкого классика [4. с 29–30]. Однако, опять же в шестой главе, происходит радикальный разрыв с этим наследием. Николай Аполлонович переживает не просто экзистенциальный кризис, а эпистемологическую трансгрессию: «какая-то сле-тела повязка – со всех ощущений... Не по Канту – вы верно сказали» [4. с 29–30]. Этот срыв «повязки» – это крах самого кантовского трансцендентального субъекта. Это распад тех самых априорных форм (пространства, времени, причинности), которые у Канта делают опыт возможным [8. с 10–12].

Заключение. Пространство Петербурга в романе Белого строится на противоречии между античным порядком – прямыми проспектами, подобными *decumanus*, – и хаосом окраин, отражающим подсознание. Город становится живым организмом, где борьба порядка и хаоса формирует не только архитектуру, но и судьбы героев.

1. Русская литература: история и современность: сб. учеб.-метод. комплексов по учеб. дисциплинам для спец. филолог. фак. / сост.: Е. В. Крикливец, С. В. Лапунов, Н. В. Голубович; Учреждение образования "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова", Филолог. фак., Каф. литературы. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – 210 с. – Библиогр. в конце тем и практ. занятий.

2. Кириллова, М. Н. *Decumanus, Cardo* и история римского межевания / М. Н. Кириллова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2024. – № 28–1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/decimanus-cardo-i-istoriya-rimskogo-mezhevaniya> (дата обращения: 30.10.2025).

3. Гвоздева, И. А. Принципы организации пространства и аграрная структура древнего Рима / И. А. Гвоздева // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. – 2018. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-organizatsii-prostranstva-i-agrarnaya-struktura-drevnego-rima> (дата обращения: 30.10.2025).

4. Белый, А. Петербург: роман / А. Белый. – М.: ООО «ДА!Медиа», 2014. – 334 с.

5. Brunner, C. Conceptualizing epistemic violence: an interdisciplinary assemblage for IR / C. Brunner // *International Politics Reviews*. – 2021. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/350041910> (дата обращения: 30.10.2025).

6. Reddy, P. Ch. Apollonian Exactitude and Dionysian Exuberance: The Dichotomy of Nietzsche's 'The Birth of Tragedy' // *International Journal for Research Trends and Innovation*. – 2024. – № 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ijrti.org/papers/IJRTI2412011.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

7. Mendie, J.G. A Philosophical Analysis of Jacques Derrida's Contributions to Language and Meaning / J.G. Mendie, S. N. Udofia // *Pinisi Discretion Review*. – 2020. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/347180619> (дата обращения: 30.10.2025).

8. Муравьев, А. Н. Иммануил Кант в истории мировой философии и культуры / А. Н. Муравьев, А. А. Иваненко // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2024. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/immanuel-kant-v-istorii-mirovoy-filosofii-i-kultury> (дата обращения: 02.11.2025).

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА УНИВЕРСИТЕТА В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Гурская П.Ю.,

студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Горегляд Е.Н., канд. филол. наук, доцент

Ключевые слова. Имидж университета, социальные медиа, контент-стратегия, высшее образование, цифровой брендинг, социальные сети.

Keywords. University image, social media, content strategy, higher education, digital branding, social networks.

Социальные медиа стали ключевым каналом коммуникации для прямого диалога и управления репутацией, оттеснив традиционные методы продвижения.

Актуальность исследования обусловлена важностью создания сильного бренда университета в цифровой среде для привлечения абитуриентов и партнеров в условиях растущей конкуренции.

Целью исследования является выявление и анализ механизмов формирования имиджа университета в социальных медиа на примере ведущих вузов Беларуси, включая ВГУ имени П.М. Машерова.